

НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА СИБИРИ

*Материалы XII научно-практического семинара
Сибирского регионального вузовского центра
по фольклору*

**ББК 63.3(2p53)-7
Н 301**

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
Омского государственного
педагогического университета

Н 301 **Народная культура Сибири: Материалы XII научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т.Г. Леонова. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2003. – 284 с.**

ISBN 5-8268-0734-2

В данном сборнике публикуются информация о XII научно-практическом семинаре Сибирского РВЦ по фольклору и тексты докладов или написанные на их основе статьи. "Приложением" даны "Методические рекомендации по собиранию детского фольклора".

Редакционная коллегия: Ак. АГН докт. филолог. наук, проф. Т.Г. Леонова (отв. редактор); канд. филолог. наук, доц. В.А. Москвина; канд. искусствоведения, ст. преп. Л.Р. Фагтахова.

Книга издана Омским государственным педагогическим университетом при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 03-04-14038г)

ISBN 5-8268-0734-2

© Коллектив авторов, 2003 г.
© Омский государственный
педагогический университет, 2003 г.

торскую установку, связанную с книжной мотивной структурой памятника. Таким образом, "Повесть о Горе-Злочастии" отличается сложной организацией, включающей мотивный уровень, определяемый книжными аллюзиями и реминисценциями, композиционный уровень, отражающий мифологическую основу произведения, концептуальный план, создаваемый семиотикой духовного стиха. Все уровни объединены авторской целевой установкой: молодец не сказочный герой, придерживающийся земных ценностей, как это видно из повествования. В рамках сложно организованного повествовательного целого создается *назидательный сюжет* о спасении грешника, который Божественным покровительством освобождается из-под власти смерти и обретает вечную жизнь.

Литература

1. Еремина В.И. Историко-этнографические истоки мотива "вода – горе" // Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. – Л., 1984.
2. Мальцев Г.И. Традиционные формулы русской необрядовой лирики (к изучению эстетики устнопоэтического канона) // Русский фольклор. – Л., 1981. – Т. 21.
3. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – М., 1996.
4. Пыпин А.Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. – СПб., 1857.

С.А. Моисеева

Магнитогорск, госуниверситет

РУДИМЕНТЫ РИТУАЛА "ПРОВОДОВ НА ТОТ СВЕТ" В ПОХОРОННОЙ И СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

Ритуал "проводов на тот свет" является одним из самых архаических и мало изученных явлений славянской древности. "Однако, - отмечает Н.Н. Велеская, - при изучении рудиментов этого обычая, выясняется, что он наложил глубокий след на традиционную календарную и похоронную обрядность" [1, с. 42].

Анализируя похоронную и свадебную обрядность региона, мы обнаружили многочисленные аналогии с ритуалом "проводов на тот свет". Прежде всего, обратил на себя внимание зафиксированный в Нижнем Авзяне обычай прощания с вольным светом. "Поляшка у нас тут есть. Мы молоды *всеюда туды* ходили. Вот я у прошлом *юде* лезла на её, прощаться хотела, *юворю*: "Поляшещка, прощай. Я больше не приду на тебе. Ты нас *всеюда примала*, прощай". А мама вот моя ходила перед смертью тоже прощаться. *юворит*: "Я *нонче* помирать буду". Потом *юворит*: "Я пошла с белым светом прощаться. Спасибо, матушка красно солнышко, погрело ты мене. Спасибо тебе, *батюшко* месяц, посвятил ты мне до гроба жизни. Спасибо, белый свет пожила я до гроба жизни, прощай". Выйдет на улицу, поклонится на щетыре стороны. *юворит*: "Прощай, белый свет. Прощай, ветерошек. Прощай лесошек". Так долую ходила" (О.И. Беляева, 1913 г.р.) [2].

Вслеская отмечает, что этот обычай, видимо, следует рассматривать как рудимент языческих проводов на тот свет, составлявший один из заключительных эпизодов ритуала [1, с. 147]. Примечательным элементом региональной похоронной обрядности является представление о том, что смерть за человеком приезжает на лошади. "Перед смертью сына видела я во сне: подлетела к воротам тройка, видела я только лошадей. И вот тройка свалила забор, смяла все щветы, подперла ворота. И умер у меня сын. Смерть на него налетела, как тройка, быстро" (О.Ф. Елисеева, 1925 г.р.). "Я перед смертью матери лошадей видеть не видела, а слышать слышала. Бывало, говорят: "Приезжали на лошади за мной. Ведь вот стоит, а мы ничего не видим" (О.И. Беляева, 1913 г.р.). Поэтому не случайно, например, в Нижнем Авзяне старики наказывали: "Вы смотрите, меня на машине не везите, если не будет лошади, лучше на салазках везите" (О.И. Беляева, 1913 г.р.). О.И. Беляева, урожденная Нижнего Авзяна, сказала о стариках своего села: "Сколько пар колёс растрепалось – всё ищут нас, а мы всё живём". В Каге обязательно позади похоронной процессии идет лошадь, запряженная в телегу, в Тарасовке Чесменского района лошадь – впереди. В регионе о покойнике говорят: "Покойник едет по главной улице". Вероятнее всего, лошадь, запряженная в телегу, является трансформированной заменой *салазок* и лубка, которые были специальными предметами снаряжения в путь на "тот свет". Главными исполнителями языческого ритуала являлись сыновья. Интересна в связи с этим существующая традиция в русских сёлах Башкирии, согласно которой: "из дома гроб выносят сыновья на двор, последний раз, в последний путь" (Н.Е. Телятникова, 1912 г.р.).

Следующие две архаические формы "отправления на тот свет" – оставление на раздорожье или в дремучем лесу под деревом – отразились в традиции останавливаться похоронной процессией и ставить гроб на перекрёстке или под деревом. "Прощаются с покойником на перекрёстке. Померла моя подруга, я пошла на перекрёсток с ней прощаться. Подошла и говорю: "Ты возьми меня в подруги, там будем вместе. Вот тебе последнее рыдание, последнее расставание". Могут ставить гроб и у сосны по дороге на кладбище. Под сосной стоял стол, там прощались" (О.И. Беляева, 1913 г.р.).

Одной из форм отправления стариков "на тот свет" было потопление. Рудименты этой формы в региональной традиции отразились в аккозианальном обряде "вызывания дождя по случаю засухи". "Если засуха, собирались ўдовы и лили 40 вёдер на могилу утопленника" (Е.М. Бочарова, 1919 г.р.). В этом, на наш взгляд, проявились элементы аграрной магии и культа предков, конечно, уже в трансформированном виде. Следы аграрной магии и культа предков, покровительствующих роду, прослеживаются и в местной традиции приходить к покойнику с мукой и сыпать зерно на могилу умершего. "Обычай у нас такой: с мукой ходить к покойнику. Значит, ты несёшь своим родителям гостинец. Тогда и душа была своя покойна" (Н.А. Копытова, 1920 г.р.). И, наконец, покровительственная функция сказалась в ритуале дарения старухе перед похоронами или до сорока дней курицы или овцы. "К 9 дням подают курицу живую или овцу отдают. Так просто подают, может яички будут куры нести. Вот у одного парня умерла мать, и он нам овцу привёз. И вот с тех пор у нас в хозяйстве овцы стали водиться. Вон, вишь, скок теперь их стало, а раньше не то, чтобы овцы, только один петух и бегал. И с курицей точно так же. Главное, чтобы от чистого сердца подать, от всей души" (Н.Е. Телятникова, 1912 г.р.).

Н.Н. Велецкая отмечает, что "в наиболее целостном виде данные о ритуале отправления на "тот свет" сохранились в украинской фольклорной традиции" [1, с. 48]. Поэтому в свадебной обрядности южноуральского региона именно у украинских переселенцев очень ярко проявились следы древнейшего обычая. С этих позиций особо обращают на себя внимание ритуалы второго дня свадьбы украинских переселенцев "На второй день "сморить тещу" будем: жгут костер, ходят кругом, а теща бросает донины вещи, а потом бояре впрягутся в телегу и катают тещу" (Е.Ф. Гончар, 1923 г.р., Новокиевка). В Тарасовке Чесменского района на второй день ходили к невестиному дому, усаживали тещу на телегу, впрягали "лошадей" – молодых мужчин, которые везли родителей невесты по улицам деревни, старались при этом застрять между

столбов, потом обязательно телегу переворачивали в лужу, сугроб и т. д. "У нас на свадьбе у Валерки, сына, помню нас на телеге возили, весна, грязь была. А у кумовьев была свадьба, так у них летом, их из телеги в речку перевернули" (А.Г. Петренко, 1935 г.р.). "На второй день брали тележку, чтобы катать тещу. Впрягались мужчины, и зять мог. А потом возьмут телегу и перевернут, тещу скинуть надо с телеги" (Т.В. Ахраменко, 1958 г.р.). Таким образом, телега, сани, вероятнее всего, являются трансформированной заменой лубка как главного атрибута обычая отправления стариков "на тот свет". По материалам украинских преданий, в последний путь отправляли стариков, женатые сыновья. Аналогично в свадебном ритуале южно-уральских украинцев в сани, телегу впрягали только женатых молодых мужчин или самого зятя, который, вероятнее всего, воспринимался как сигнал наступления старости родителей, отдавших последнюю дочь замуж. Позднее в телегу стали усаживать не только тещу с тестем, но и свекра со свекровью. "Если у родителей и жених последний и невеста, то обоих катают в телеге" (А.И. Писковец, 1936 г.р.).

До настоящего времени в Тарасовке стараются придерживаться традиции забрасывания родителей на крышу, если они женят опять-таки последних детей. "Родителей закидывают на крышу. Говорят: "Закидывают тех, кто за последним". Закидывали на амбар, сарай" (А.Е. Зуболомова, 1926 г.р.). Крыша в данном случае может выступать как символ верха – горы. С горой связаны представления о потустороннем мире (ср. русское выражение: *отправиться на горку*, т.е. умереть); в заговорах болезнь и её воплощение отсылают в "иной" мир, воплощением которого наряду с лесом, водой, оврагом является и гора [3, с. 520]. Заметим, что первоначально забрасывали родителей на крышу сараев, амбаров, где хранили зерно, сено, солому. Так же в телегу обязательно стелили сено или солому. "В телегу садили родителей, а там соломка или сено. Устилают, готовят телегу молодые мужчины" (Н.Г. Богданова, 1952 г.р.). В этих элементах, по нашим представлениям, проявились связи обычая с аграрной магией и, предположительно указывалось на места прошлого отправления ритуала: стариков оставляли (бросали) в зерновой яме, амбаре. Не случайно о стариках, которые забываются детьми говорят: "Их бросили дети". Велецкая этимологию этого выражения связывает с такими формами ритуала, как бросание стариков в водоёмы или болота [1, с. 56]. В связи с этим, видимо, не случайно родителей невесты и жениха переворачивали в грязь, лужу, реку. Итак, два выше обозначенных ритуала свадебно-обрядового комплекса южно-уральских украинцев насыщены символами последнего пути родителей невесты и жениха – старших поколе-

ний (стариков), и могут, предположительно, являться отголосками обычая "отправления стариков на тот свет".

Таким образом, в похоронной и свадебной обрядности южно-уральского региона до начала XXI в. сохранились рудименты древнейшего архаического ритуала, которые продолжают функционировать по традиции: "Это идёт у нас испокон веков, как слышали от родителей, как они, так и мы" (Н.Г. Богданова, 1952 г.р.).

Примечания

1. Велецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1997.

2. Все цитаты взяты из материалов фонда лаборатории народной культуры МаГУ: ЭК-20, 2000 г.; ЭК-17, 1999 г.; ЭК-10, 1997 г.; ЭК-13, 1998 г.; ЭК-5, 1994 г., ЭК-26, 2002 г.

3. Славянские древности. Этимологический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1995.

*Е. М. Чешегорова,
Омск, Сибирский культурный центр*

ОТРАЖЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ СЛАВЯНСКИХ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ В БЕЛОРУССКИХ ПОСТОВЫХ, ПОМИНАЛЬНЫХ И ВОЛОЧЕБНЫХ ПЕСНЯХ

Попытку анализа происхождения белорусских постовых песен мы уже предпринимали ранее [1]. Возвращение к этому материалу продиктовано, прежде всего, значительным расширением исследовательской базы за счёт экспедиций последних лет к белорусским переселенцам Омской области. Кроме того, жанр духовных стихов переживает сегодня своеобразную ревитализацию в связи с ростом общего интереса к христианской культуре. Тем более интересно обратить внимание на проявления в христианском, казалось бы, жанре знаков культуры, предшествующей христианству во времени. В рассматриваемых в данной статье белорусских постовых, поминальных и волочебных песнях, несмотря на их сакральность, а скорее, как раз именно вследствие этой сакральности, только имеющей более раннее, нежели христианская традиция у славян,